

29. Khezmondalsh D. *Kul'turnye industrii [Cultural industries]*. Translated from the English by I. Kushnareva, under the Scientific editorship of A. Mikhaleva. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2018. 456 p. (In Russ.).
30. Khorkkaymer M., Adorno T. *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty [Dialectics of Enlightenment. Philosophical fragments]*. Translated from German by M. Kuznetsov. Moscow, St. Petersburg, Medium, Juventas Publ., 1997. 312 p. (In Russ.).

УДК 008

DOI 10.31773/2078-1768-2024-69-32-38

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА 1940–1980-Х ГОДОВ

Кошкарлов Анатолий Геннадьевич, директор Православной гимназии во имя Святителя Луки Войно-Ясенецкого (г. Новокузнецк, РФ). E-mail: koshkaroff@mail.ru

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии, философии и искусствоведения, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: antropolog-min@mail.ru

Астахов Олег Юрьевич, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии, философии и искусствоведения, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: astahov_oleg@mail.ru

В статье рассматриваются процессы социокультурной адаптации общецерковных, приходских структур Русской православной церкви к условиям развития советского общества второй половины XX века. Авторы подробно анализируют причины деформации религиозных групп в условиях давления на них советскими государственными надзорными органами. И в этом контексте внимание акцентируется на особенности их рефлексии, которая сводилась к двум противоположным вариантам – конфронтации и попыткам приспособления к ситуации, что обусловило сочетание неформальных договоренностей и обращение к правилам советской бюрократии. Также описан механизм, определяющий факторы эрозии религиозной адаптации, которым можно считать внутригрупповую конкуренцию и культурно-психологическую самоизоляцию. Фактором второго порядка следует считать доминирование бытовых связей и отношений. Отдельно затрагиваются вопросы религиозной идентичности, формирующейся под давлением и в ключе решений церковной бюрократии. Определены адаптационные механизмы, способствующие сохранению религиозной идентичности. Среди главных элементов, направленных на адаптацию инфраструктуры традиции и сохранение целостности общин, авторами выделяются четыре института: 1) духовничество, как элемент устойчивой «зоны доверия»; 2) клерикально-семейные династии и группы как элемент семейно-родственной сплоченности для противостояния нажиму властей; 3) национально-этнические группы, как механизмы сплоченности, но уже на основе земляческих и этнических связей; 4) церковная иерархия, как элемент институтов авторитета, подчинения и взаимодействия для сохранения и трансляции общих смыслов и практик религиозной традиции.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, религиозная деформация, религиозная трансформация, советское общество.

SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF THE ORTHODOX TRADITION FOR SOVIET SOCIETY IN THE 1940–1980S

Koshkarov Anatoliy Gennadyevich, Headmaster of Orthodox Gymnasium named after St. Luka Voino-Yasenetsky (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: koshkaroff@mail.ru

Minenko Gennadiy Nikolaevich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Culturology, Philosophy and Art History, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: anthropolog-min@mail.ru

Astakhov Oleg Yuryevich, Dr of Culturology, Professor, Department Chair of Culturology, Philosophy and Art History, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: astahov_oleg@mail.ru

The article examines the processes of sociocultural adaptation of general church, parish structures of the Russian Orthodox Church to the conditions of developing the Soviet society of the second half of the 20th century. The authors examine in detail the reasons for the deformation of religious groups under pressure from the Soviet State supervisory bodies. Thus, attention is focused on the peculiarities of their reflection, which was reduced to two opposite options, such as confrontation and attempts to adapt to the situation, which led to a combination of informal agreements and an appeal to the rules of the Soviet bureaucracy. The authors also describe the mechanism determining the factors of erosion of religious adaptation, which can be considered as intra-group competition and cultural and psychological self-isolation. Moreover, the dominance of everyday connections and relationships should be considered as a second-order factor. Separately, the authors study the issues of religious identity, formed under pressure and in the context of decisions of the church bureaucracy. The study also identifies the adaptation mechanisms that contribute to the preservation of religious identity. Among the main elements aimed at adapting the infrastructure of tradition and preserving the integrity of communities, the authors identify four institutions: 1) clergy as an element of a stable “zone of trust”; 2) clerical-family dynasties and groups as an element of family-related cohesion to resist pressure from the authorities; 3) national-ethnic groups as mechanisms of cohesion but already on the basis of regional and ethnic ties; 4) church hierarchy as an element of institutions of authority, subordination and interaction for the preservation and transmission of common meanings and practices of religious tradition.

Keywords: sociocultural adaptation, religious deformation, religious transformation, Soviet society.

В работе рассматриваются вопросы религиозной адаптации к советскому обществу во второй половине XX века. Представленный исследовательский материал способствует обозначению контуров научных понятий и подходов, необходимых для адекватной оценки адаптационных процессов развития религиозных отношений в условиях советской власти. Обращаясь к системной методологии, мы фокусируем внимание на особенностях предмета исследования, который, по мысли Г. П. Щедровицкого, «фиксирует объект». В данной ситуации исследователь должен находиться не внутри предмета, а «выскочить» за его границы и начать мыслить по имманентным для него законам; мы должны двигаться «как бы над ними и по ним, добиваясь связного описания объекта при различии и множественности фиксирующих его предметов». Описанное обуславливается тем, что «системные проблемы и задачи по своему происхождению и специфике являются не объективными, а предметными: они возникают в ситуации,

когда нужно соотнести и связать друг с другом разнопредметные представления одного объекта» [10]. Для предметного исследования свойственно, во-первых, проектирование компонентов для умозрения и «конструируемых объектов как систем», во-вторых, «построение обобщенных моделей системы, моделей разных классов и специфических свойств систем», в-третьих, «исследование структуры теорий систем и различных системных концепций и разработок» [2].

В целом системный подход позволяет проследить совокупность оттенков религиозно-культурных конфликтов, государственно-общественных отношений и экономических изменений, вызванных этическими установками религиозных групп. Основное понятие, на которое мы опираемся в нашем исследовании, обозначается как «социокультурная адаптация». Этой теме посвящены работы следующих исследователей: на Западе – Г. Спенсер, Л. Морган и др., в России – Э. С. Маркарян, И. Д. Калайков, С. А. Арутюнов, А. Я. Фли-

ер¹. Под социокультурной адаптацией понимается приспособление человеческих сообществ, групп, индивидов к изменениям в поведении, нормах, сознании, социальной организации, ценностей, технологий и т. д. [9]. Исследователь данной проблемы Т. Л. Смолина выделяет три направления в изучении культурной адаптации, неразрывно связанных с определенными понятиями. Во-первых, это «изучение аккультурационных изменений в поведении мигрантов (социокультурный подход). Во-вторых, изучение аккультурационного стресса – эмоциональных изменений и переживаний переселенцев. И, наконец, третье направление – исследование аккультурационных аттитюдов, то есть отношений и ценностей, которые формируются у индивида под воздействием инокультурной среды» [8, с. 163]. В этом контексте понятие «культурная адаптация» пересекается с понятиями «аккультурация» и «культурная мутация». Так, например, Э. С. Маркарян отмечал, что приспособление «к непредвиденным культурной традицией многообразным условиям и ситуациям, в которых приходится действовать людям, происходит благодаря актуализации механизма творческих инноваций, выполняющего по сути дела функции мутаций и рекомбинации генов в процессах биоэволюции. В силу этого человеческие творческие инновации иногда называют культурными мутациями» [1, с. 157]. Эти особенности социокультурной адаптации рассмотрим в аспекте развития религиозных отношений в системе советского государства.

Одним из ответов на законодательную дискриминацию общецерковных и приходских структур², а также священнослужителей со стороны советского государства стало распространение нелегальной и полунелегальной деятельности свя-

щенства. Подобные практики не могли осуществляться с размахом и без оглядки на возможные санкции власти, в случае их выявления, а потому носили ограниченный характер. Тем не менее, из бесед с респондентами нам известно об изготовлении и распространении духовно-нравственной литературы³, включая аудиоформат⁴, различных способах контакта с потенциальными прихожанами вне храма (что не приветствовалось советской властью). Или о сокрытии пожертвова-

³ В 1983 году арестовали священника Александра Пивоварова. Официально ему инкриминировали статью за спекуляцию. На самом деле его арестовали за распространение Библии и молитвословов. Началось с того, что в Москве арестовали издателей, которые по разрешению соответствующих органов печатали Библии и молитвословы. Вместо положенного тиража ими было напечатано гораздо больше копий продукции. Покупателем оказался А. И. Пивоваров. Так как эта «махинация» была не единственной, а систематической, ему дали три с половиной года лагерей. Несмотря на то, что «продукция» распространялась среди прихожан благотворительно, а для настоятелей храмов по закупочной цене, срок все равно не «скостили» [3].

⁴ Алтайский проповедник Игнатий Тихонович Лапкин в начале 1980-х годов придумал для себя девиз: «Магнитофонизация всей Сибири» и ей стал следовать вместе со своими единомышленниками (Г. Г. Фаст и А. И. Пивоваров). На 62 магнитофонных «бобинах» (около 600 часов звучания) им были надиктованы и записаны творения отцов церкви: св. Иоанна Златоуста, Блаженного Августина, Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника. Также Библия, «Добротолубие», «Лествица». К 1986 году каталог фонотеки составлял уже 200 кассет. Это два месяца непрерывного звучания. Распространялись «Исторический путь православия» О. А. Шмемана, апологетические книги баптистского автора Рогозина. Чисто религиозной тематикой И. Т. Лапкин не ограничился. Был записан и «Архипелаг ГУЛАГ». До 1979 года он в своей нелегальной студии на шести магнитофонах увеличивал копии надиктованных им материалов. По всей стране на благотворительно собранные среди православных христиан средства приобретались в промышленном масштабе кассеты и аппаратура для перезаписи. По всей стране разъезжала группа добровольцев для приобретения всего необходимого, так как эти товары относились к группе дефицитных. Дважды И. Т. Лапкин за свою деятельность был арестован и помещен в места лишения свободы (с мая по октябрь 1980 года, а с 9 января 1986 года пробыл 15 месяцев в уголовном лагере ЖД-158/3 в Казахской ССР, городе Жанатас) [6].

¹ Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. – Ереван, 1969; Его же. Теория культуры и современная наука. – М., 1983; Калайков И. Д. Цивилизация и адаптация. – М., 1984; Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М., 1986; Флиер А. Я. Культурогенез. – М., 1995.

² 16 марта 1961 года Советом министров СССР было принято постановление «Об усилении контроля за исполнением законодательства о культурах». Прежние законодательные и нормативно-правовые акты, принятые после 1943 года были упразднены. Положение исключило священство из учредителей и запрещало участвовать в хозяйственной деятельности приходов [5].

ний и других источников доходов, о работах по ремонту, реконструкции и достройке церковных зданий вопреки формальным нормам и инструкциям местных властей.⁵ Важную роль в подобной ситуации играли и неформальные договоренности и связи.

К широкому распространению неформальных (и даже не укладывающихся в этику самой традиции) практик привели вмешательство государства в управление приходами и установление постоянного надзора за священством и приходами со стороны уполномоченных по делам религии, Комитета государственной безопасности, через разных агентов в церковной среде – прихожан и священников, которых охотнее назначали старостами, благочинными и настоятелями. Реакция носителей традиции сводилась к двум противоположным вариантам – конфронтации и попыткам приспособления к ситуации, сочетая неформальные договоренности, попытки играть на внутренних правилах советской бюрократии, лояльность внешним правилам и внутреннее, невысказываемое недовольство сложившимся порядком вещей.

Отрицательный образовательный ценз для кандидатов в священнослужители, соблюдение которого отслеживалось как на уровне уполномо-

ченных, так и в местных советах в целом, в меньшем числе случаев приводил к личным инициативам по самообразованию, чаще – к обращению к багажу «народного православия» или низовому упрощенному пониманию традиции.

Две меры воздействия на инфраструктуру православной традиции со стороны государства оказались наиболее эффективными. Это жесткое налоговое бремя, введенное на рубеже 1950–1960-х годов⁶, перевод священства на фиксированную зарплату и перевод церковных финансов под контроль «общины», в реальности чаще представленной лояльными уполномоченными старостами. Действенных и систематических попыток противостояния финансовому контролю и ограничениям на исследованном материале не отмечено. Второй мерой была отмена принципа однократности назначения священников. Она оказалась очень удобной для установления полного контроля за поведением священнослужителей как

⁵ Любопытную подробность рассказала нам прихожанка Михайловского храма Баяновская Надежда Дмитриевна. Отец Александр под видом ремонта церкви снес ветхое деревянное здание и довольно-таки стремительно силами рабочих и прихожан начал возводить каменные стены. Власти, по всей видимости, были в замешательстве и не совсем поверили, что такое строительство без согласования с ними возможно. Прислали в церковь наряд милиции для ареста священника Александра. Активные прихожане к тому времени были бдительными и поэтому выставляли у ворот караульных. Они и сообщили отцу, что милицейская машина направляется в церковь. В церковном дворе было деревянное помещение, и там стояла кровать, и на ней лежало много матрасов. Милиционеры, войдя в эту комнату, увидели сидящих на кровати «старушек». На вопрос: «Где поп?» – услышали: «Не знаем». После отъезда милицейской машины, из-под матрасов, на которых сидели бабушки, вылез А. И. Пивоваров. Здесь налицо консолидация граждан, разделяющих общие для данной субкультуры ценности, и во имя их сохранения – адаптация, вопреки официальному закону и порядку (Семейная история Баяновских. Записал А. Г. Кошкар. Новокузнецк, ноябрь, 2006).

⁶ В письме Минфина СССР от 26 февраля 1966 года № 81 министерствам финансов союзных и автономных республик, краевым, областным, окружным, городским и районным финансовым отделам «О порядке обложения налогами граждан, получающих доходы от религиозных органов, а также предприятий этих органов», пункт 9 этого письма предписывал: «Для определения облагаемого дохода учитываются все суммы, полученные за выполнение религиозных обрядов и служб, независимо от того, получены ли эти суммы от религиозных органов или непосредственно от верующих. В облагаемый доход включаются также всякого рода пособия и пенсии из касс религиозных органов, суммы, выдаваемые в виде наградных, на оплату коммунальных услуг и жилой площади, стоимость вещей подарков, содержания личного обслуживающего персонала, бесплатно предоставляемого служителям культа, и т. п.» [4]. Документ выглядит взвешенным и справедливым, но его трактовка фининспектором превращала его в очень тяжелое для духовенства бремя. По словам протоиерея Василия Ивановича Буглакова, настоятеля храма Архангела Михаила (с 1962 по 2022 год являлся настоятелем разных храмов Новосибирской и Кемеровской епархий), документ не оговаривал детально время и условия начисления этого налога. По этой причине фининспектор приходил устанавливать налог накануне или в день церковного значимого события, например в Радоницу. В этот день многократно превышалось посещение прихожанами церкви, а соответственно и доход был значительно выше. По одному дню производился расчет на финансовый год.

для советской бюрократии, так и для епископата. Важно, что редуцированные элементы советской системы взимания «налогов» с прихода существуют во внутрицерковных отношениях и в настоящее время. Практика регулярного перевода священников с прихода на приход закрепились и стала в последние десятилетия своего рода нормативной для русского православия.

Из рассматриваемой темы, отражающей частные практики, можно вывести и более общую схему воздействия советского государства и общества на православную религиозную традицию и итоговую адаптацию этой традиции. Накануне 1917 года Русскую православную церковь можно охарактеризовать как в значительной мере бюрократизированную, сословную и лояльную государству социальную структуру, участники которой по большей части могли быть оценены как законопослушные и привилегированные члены общества. Результатом адаптации сообщества верующих носителей традиции к концу 1980-х годов стало дальнейшее усиление бюрократизации церкви, что неудивительно, учитывая еще больший уровень бюрократизации советского «вмещающего» общества и пристальное внимание к церковным структурам именно властных структур. Одним из основных следствий этой усиленной бюрократизации стал рост влияния епископата на организацию церковности при снижении роли мирян и священников, фактически полное разрушение принципа общинности.

Если советское общество в целом уничтожило сословные границы, и современные исследователи говорят лишь о квазисословных неформальных отношениях в определенных его слоях, то среда священнослужителей и тесно связанных с ними людей, занятых на различных работах при храмах, на наш взгляд, сохранила принципы сословной изолированности и солидарности. Это может быть связано и с длительным восприятием церкви как рудимента дореволюционного общества, в котором естественно сохраняются соответствующие отношения, с большой ролью в церковной жизни 1940–80-х годов священников из Восточной Польши, Прибалтики и юго-восточной Финляндии, присоединенных к СССР в 1939–40-м годах, где русская церковная жизнь «дореволюционного образца» могла сохраняться

до этого присоединения, и с общим маргинальным статусом верующих и их объединений в советском обществе⁷.

Результатами бюрократического подавления низовой активности, сословной изоляции и общей маргинализации становились низкая лояльность государству, широкое распространение неформальных практик. На смену рационализированному богословию пришло доминирование «народного православия» при незначительной роли «высокой» богословской традиции, носители которой сохранились в основном в крупных городах.

Таким образом, в ряду европейских типов адаптации религиозной традиции советская адаптация оказалась наиболее радикальным вариантом, и может быть охарактеризована как частный случай применения принципов, реализованных во Франции во времена революции 1789–1798 годов. Советский нажим на традицию в попытках ее ограничения пошел еще дальше, объявив атеистов «более равноправными» в сравнении с членами религиозных общин, а атеизм – официальной идеологией, религию же – общественным пережитком, «отмиранию» которого необходимо активно способствовать.

Результатом подобного «государственного атеизма» действительно стала значительная деградация и маргинализация как религиозной традиции в целом, так и большого числа ее носителей в частности. Это, однако, не привело к предполагаемому полному «отмиранию религии». Как показывает опыт трех десятилетий развития постсоветского социума, его рядовые члены вовсе не потеряли интерес к основной российской религиозной традиции и религии вообще. Однако восстановление влияния православия в обществе теперь несет с собой и приобщение к результатам

⁷ Украинцы и белорусы в самый разгар гонений на православных в России были польскими подданными. Западная Украина и Западная Белоруссия были аннексированы Советским Союзом у Польши. Закон СССР «О включении Западной Украины в состав Союза ССР с воссоединением ее с Украинской ССР» был принят 1 ноября 1939 года. Закон СССР «О включении Западной Белоруссии в состав Союза ССР с воссоединением ее с Белорусской ССР» был принят 2 ноября 1939 года.

травматического взаимодействия с государством – часто архаичному «народному православию», маргинальной психологии.

По итогам рассмотрения личных траекторий развития наших респондентов-священнослужителей и анализа изменений в сфере профессионально-приватной деятельности (богослужение, исповедь и тайна исповеди), можно заключить, что функциональная трансформация традиционной религиозной культуры и идентичности здесь неочевидна, что, видимо, можно связать именно с приватным их характером, возможностью сокрытия личных эмоций, мыслей или частной коммуникации от внешнего давления. В то же время, в сфере профессионально-публичной деятельности (проповедь в разных формах, открытая демонстрация религиозной идентичности) и частной жизни священники и активные члены общин испытывали максимальное давление.

В целом, можно заключить, что под нажимом советского партийно-государственного аппарата церковная среда больших городов юга Западной Сибири с 1950-х годов переживает определенную внутреннюю деформацию – аккультурацию, которую можно оценить как негативную с точки зрения целостности самих религиозных групп и соответствия этике православной христианской традиции. Набор данных деформаций в целом, на наш взгляд, не меняется от одного региона Союза ССР к другому. Главным образом, это самоизоляция отдельных лиц и групп, провоцирование скрытого (на личном уровне) конфликта с окружающим обществом, акцентирование бытовой специфики религиозной жизни, выдвигание на первый план ритуалов и второстепенных бытовых практик взамен смыслов и символов, а также довольно жесткая внутренняя конкуренция между представителями религиозных общин и иерар-

хии за ограниченные ресурсы (влияние, авторитет и власть, распределение финансовых потоков). Но на конкретном материале по югу Западной Сибири можно расставить такие акценты: определяющим фактором эрозии религиозной адаптации можно считать внутригрупповую конкуренцию, фактором второго порядка – доминирование бытовой специфики. Культурно-психологическая самоизоляция в рассматриваемом случае выражена слабее всего.

В качестве адаптационных механизмов, позволявших сохранить религиозную идентичность, главные элементы инфраструктуры традиции и целостность общин, нами выделяются следующие институты:

– *духовничество* (формирование тесных «зон доверия» на основе глубоких личных, почти интимно-родственных связей духовника и его паствы, дополнительную устойчивость которым придавало их рассмотрение обеими сторонами как сакральных, не подчиненных логике обыденной жизни);

– клерикально-семейные *династии* и группы (эксплуатация семейно-родственной сплоченности для противостояния нажиму властей и приобретения дополнительной конкурентоспособности во внутренней конкурентной борьбе);

– *национально-этнические* группы (те же механизмы сплоченности, но уже на основе земляческих и этнических связей);

– *церковная иерархия* (использование отработанных ранее институтов авторитета, подчинения и взаимодействия для сохранения и трансляции общих смыслов и практик религиозной традиции; кроме того, относительная централизация помогала сохранить единство традиции хотя бы в форме единой «профессиональной» среды или субкультуры).

Литература

1. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
2. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]: в 4 т. – М.: Мысль, 2001. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4795/СИСТЕМНЫЙЯ (дата обращения: 10.11.2023).
3. Пивоваров Александр. Биография [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.a-pivovarov.ru/biography> (дата обращения: 08.09.2024).
4. Письмо Минфина СССР от 26.02.1966 № 81 «О порядке обложения налогами граждан, получающих доходы от религиозных органов, а также предприятий этих органов» [Электронный ресурс]. – URL: <https://e-ecolog.ru/docs/x-5K7bf4EksGPj10XY11O> (дата обращения: 08.09.2024).

5. Положение об управлении Русской Православной Церковью (31 января 1945 года) // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. В 2 кн. Кн. 1 / сост. Г. Штриккер. – М.: Пропилеи, 1995. – С. 349–355.
6. Попов И. А. Православие на Алтае в последней трети XX века. Испытание богоборческой властью (На примере духовной жизни И. Т. Лапкина) [Электронный ресурс] // Уроки истории. XX век. – URL: <http://urokiistorii.ru/node/470> (дата обращения: 05.11.2020).
7. Речь А. Ю. Вышинского по вопросу вхождения Западной Белоруссии и Украины в состав СССР [Электронный ресурс]. – URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147560&PORTAL_ID=7462&SECTION_ID=6332 (дата обращения: 16.09.2024).
8. Смолина Т. Л. Адаптация к инкультурной среде: анализ родственных понятий // Психология человека: интегративный подход: сб. ст. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2007. – С. 162–167.
9. Флиер А. Я. Адаптация культурная. Энциклопедия культурологии [Электронный ресурс]. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/193/АДАПТАЦИЯ (дата обращения: 18.11.2023).
10. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. Ч. I. Программы. Подходы. Концепции. Принципы и общая схема методологической организации системных исследований и разработок [Электронный ресурс]. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3961/3967> (дата обращения: 10.11.2023).

References

1. Markaryan E.S. *Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka: logiko-metodologicheskii analiz [Theory of Culture and Modern Science: Logical and Methodological Analysis]*. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 284 p. (In Russ.).
2. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t [New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes]*. Moscow, Mysl' Publ., 2001. (In Russ.). Available: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4795/SISTEMNYYYa (accessed 10.11.2023).
3. *Pivovarov Aleksandr. Biografiya [Pivovarov Alexander. Biography]*. (In Russ.). Available: <https://www.a-pivovarov.ru/biography> (accessed 08.09.2024).
4. *Pis'mo Minfina SSSR ot 26.02.1966 № 81 "O poryadke oblozheniya nalogami grazhdan, poluchayushchikh dokhody ot religioznykh organov, a takzhe predpriyatiiy etikh organov" [Letter of the USSR Ministry of Finance dated 02.26.1966 No. 81 "On the procedure for taxation of citizens receiving income from religious bodies, as well as enterprises of these bodies"]*. (In Russ.). Available: <https://e-ecolog.ru/docs/x-5K7bf4EksGPj10XY11O> (accessed 08.09.2024).
5. *Polozhenie ob upravlenii Russkoy Pravoslavnoy Tserkov'yu (31 yanvarya 1945 goda) [Regulations on the governance of the Russian Orthodox Church (January 31, 1945)]*. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v sovetskoe vremya (1917-1991). Materialy i dokumenty po istorii otnosheniy mezhdru gosudarstvom i Tserkov'yu. V 2 kn. Kn. 1 [The Russian Orthodox Church in Soviet times (1917-1991). Materials and documents on the history of relations between the state and the Church. In 2 vol. Vol. 1]*. Comp. G. Shtrikker. Moscow, Propilei Publ., 1995, pp. 349-355. (In Russ.).
6. *Popov I.A. Pravoslavie na Altae v posledney treti XX veka. Ispytanie bogoborcheskoy vlast'yu (Na primere dukhovnoy zhizni I.T. Lapkina) [Orthodoxy in Altai in the last third of the 20th century. Testing by the godless power (Based on the spiritual life of I.T. Lapkin)]*. *Uroki istorii. XX vek [History lessons of the 20th century]*. (In Russ.). Available: <http://urokiistorii.ru/node/470> (accessed 05.11.2020).
7. *Rech' A.Y. Vyshinskogo po voprosu vkhozheniya Zapadnoy Belorussii i Ukrainy v sostav SSSR [Vyshinsky on the issue of the entry of Western Belarus and Ukraine into the USSR]*. (In Russ.). Available: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147560&PORTAL_ID=7462&SECTION_ID=6332 (accessed 16.09.2024).
8. *Smolina T.L. Adaptatsiya k inokul'turnoy srede: analiz rodstvennykh ponyatiy [Adaptation to a foreign cultural environment: analysis of related concepts]*. *Psikhologiya cheloveka: integrativnyy podkhod: sb. st. [Human Psychology: Integrative Approach. Collection of articles]*. St. Petersburg, ANO "IPP" Publ., 2007, pp. 162-167. (In Russ.).
9. *Flier A.Y. Adaptatsiya kul'turnaya. Entsiklopediya kul'turologii [Cultural adaptation. Encyclopedia of cultural studies]*. (In Russ.). Available: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/193/АДАПТАЦИЯ (accessed 18.11.2023).
10. *Shchedrovitskiy G.P. Izbrannyye trudy. Ch. I. Programmy. Podkhody. Kontseptsii. Printsipy i obshchaya skhema metodologicheskoy organizatsii sistemnykh issledovaniy i razrabotok [Selected Works. Part I. Programs. Approaches. Concepts. Principles and General Scheme of Methodological Organization of System Research and Development]*. (In Russ.). Available: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3961/3967> (accessed 10.11.2023).